

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 57–67.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 57–67.

Научная статья
УДК 94(47).072+94(47).073(470.55/.58)
DOI: 10.37482/2687-1505-V404

Барщина в помещичьих имениях Южно-Уральского региона России в первой половине XIX века

Рашит Бадретдинович Шайхисламов

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

e-mail: shrb2007@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6500-8343>

Аннотация. Исследование посвящено барщине в помещичьих имениях Южного Урала дореформенной России (в административно-территориальном делении первой половины XIX века – Оренбургской губернии). Показано, что в дореформенное время XIX века в большинстве помещичьих имений Южно-Уральского региона господствующей формой повинности была барщина: более 85 % помещичьих крестьян края исполняли в пользу своих господ именно этот вид повинности. На базе материалов фондов Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива, отдела письменных источников Государственного исторического музея, а также документов 2-го и 3-го томов трудов Редакционных комиссий 1860 года в статье анализируются причины доминирующей роли барщины в помещичьих имениях края (относительное многоземелье колонизируемого региона, узость рынка свободной рабочей силы, хозяйственные соображения помещиков, экономические возможности крестьянских хозяйств и др.). Автор определяет динамику интенсивности барщины в течение первой половины XIX века. Для характеристики барщины проведены расчет рабочего времени барщинных крестьян, а также анализ стоимости барщинных работ крестьян, позволившие выявить соответствие барщины размеру оброка, выплачиваемого оброчными крестьянами данной местности. Отмечается, что по сравнению с помещичьими имениями других регионов России душевая норма барщины здесь была в целом относительно невысокой в силу специфических особенностей преимущественно земледельческого края. Подчеркивается перспективность дальнейшего изучения проблемы, поскольку информационные возможности специального анализа института барщины на региональном уровне еще далеко не исчерпаны.

Ключевые слова: Южный Урал, помещичьи имения, крестьянские повинности, барщина, оброк, дореформенная Россия, крепостное право

Для цитирования: Шайхисламов, Р. Б. Барщина в помещичьих имениях Южно-Уральского региона России в первой половине XIX века / Р. Б. Шайхисламов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 57-67. – DOI 10.37482/2687-1505-V404.

Original article

Corvée in the Landlord Estates of the Southern Urals in Russia in the First Half of the 19th Century

Rashit B. Shaikhislamov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,

e-mail: sshrb2007@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6500-8343>

Abstract. The study dwells on the *barshchina* (corvée) in the landlord estates of the Southern Urals (in the first half of the 19th century, part of the Orenburg Province) in pre-reform Russia. It is shown that during the pre-reform period in the 19th century, the majority of landlord estates of the Southern Urals had corvée as the dominant form of obligations: over 85 % of the landlord peasants in the region performed this type of obligation for their masters. Based on archival materials from the Russian State Archives of Ancient Documents, Russian State Military Historical Archives, Russian State Historical Archives, Department of Written Sources of the State Historical Museum, as well as documents from volumes 2 and 3 of the Proceedings of the Drafting Commissions of 1860, the article analyses the reasons behind the dominant role of corvée in the landlord estates of the Southern Urals (relative abundance of land in the colonized region, tight market of free workers, economic considerations of landlords, economic capacity of peasant farms, etc.). The author determines the dynamics of the intensity of corvée during the first half of the 19th century. To characterize corvée, the working time of corvée peasants as well as the monetary value of their corvée labour were calculated, which made it possible to contrast corvée with the *obrok* (quitrent) that had been paid by the quitrent peasants in this area. It is noted that, compared to the landlord estates of other Russian regions, per capita corvée in the Southern Urals was generally relatively low due to the specifics of this predominantly agricultural region. It is emphasized that further research into the problem appears promising, since the potential for studying the institution of corvée labour at a regional level is far from being exhausted.

Keywords: Southern Urals, landlord estates, peasant obligations, *barshchina*, *obrok*, pre-reform Russia, *serfdom*

For citation: Shaikhislamov R.B. Corvée in the Landlord Estates of the Southern Urals in Russia in the First Half of the 19th Century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 57–67. DOI: 10.37482/2687-1505-V404

Введение. Важным этапом в истории России является период крепостничества и связанная с ним барщинная повинность крестьян, получившая законодательную санкцию и просуществовавшая в стране достаточно долго. Подавляющее число частновладельческих крестьян России накануне отмены крепостного права состояло на барщине. Обязанность эта заключалась в обработке крестьянами (личным инвентарем и определенное количество дней в неделю) предоставленной в их пользование части помещичьей

земли. Барщина существенно отличается от оброка (уплаты крестьянами повинности деньгами или естественными произведениями труда) и подлежит критической оценке лишь в сравнении с ним.

Барщина, являвшаяся в дореформенной России одной из ведущих форм хозяйствования в помещичьих имениях, поглощала довольно-таки много рабочего времени земледельцев и оказывала сильное воздействие на экономическое развитие страны. Последствия барщины и

ее влияние на экономическое развитие страны далеко не однозначно оцениваются учеными, что показала развернувшаяся в свое время в отечественной историографии дискуссия об этой крестьянской повинности. Указанная тема до сих пор остается недостаточно изученной как в масштабах всей страны, так и в рамках отдельных регионов, что определяет важность ее исследования и актуальность. Следовательно, региональный аспект проблемы представляет не частный, а общий интерес. Целью настоящей статьи являются рассмотрение барщинной повинности и степени барщинной эксплуатации крепостных в помещичьих имениях Южно-Уральского региона дореформенной России, определение того, насколько барщина была обременительной для крепостной деревни и насколько соответствовала производственным возможностям крестьянских хозяйств. Отсутствие специальных исследований по данной проблеме обуславливает новизну настоящей работы. Ее результаты могут применяться при решении значимых научно-практических задач.

Обзор литературы. Аграрная история, история российской крепостной деревни дореформенного периода являются одними из важных проблем отечественной историографии. При этом видное место в изучении крепостной деревни занимали и продолжают занимать вопросы о наделах и повинностях крестьян, о соотношении оброка и барщины, об интенсивности барщинной эксплуатации крестьян.

В дореволюционной историографии специальные работы о барщине отсутствуют, однако барщинная деревня и барщинная эксплуатация крестьян дореформенного периода XIX века в целом получили некоторое освещение в фундаментальных исследованиях по аграрному и крестьянскому вопросам А.П. Заблоцкого-Десятовского, А. Скребицкого, В.И. Семевского, И.И. Игнатовича, П.Б. Струве [1–5] и др. В подготовленной в 1841 году после поездки по внутренним губерниям России записке А.П. Заблоцкого-Десятовского «О крепостном состоянии в России» характеризуются основные

категории частновладельческих крестьян, приводятся сведения о количестве земли, обрабатываемой крестьянами для помещика, порядке отправления барщины, барщине у мелкопоместных владельцев [1]. А. Скребицкий на основании сведений, собранных дворянскими губернскими комитетами и комитетами о земских повинностях накануне отмены крепостного права, определил количество различных категорий частновладельческих крестьян по 43 губерниям, а также размер повинностей оброчных и барщинных крестьян [2]. Российский историк второй половины XIX века В.И. Семевский в своих исследованиях особое внимание уделял источникам доходов крестьян и размерам повинностей крепостных (соотношению оброка и барщины) в губерниях дореформенной России [3]. Обширный фактический материал по хозяйству, быту, повинностям крепостных крестьян в XVIII–XIX веках представлен в изданной в 1902 году и переизданной в 1910 и 1925 годах монографии И.И. Игнатовича, который на основании данных, помещенных в трудах Редакционных комиссий, рассчитал процентные соотношения барщинных и оброчных крестьян по великороссийским губерниям предреформенного периода [4, с. 73]. Известный исследователь крепостного хозяйства П.Б. Струве подчеркивал положительное экономическое значение барщины [5, с. 139–140]. В библиографическом труде В.И. Межова описаны публикации материалов второй половины XVIII – первой половины XIX века по вопросу о свободном (наемном) и обязательном (барщинном) труде, позволяющие ознакомиться со свидетельствами современников о позитивном и негативном свойствах барщины [6]. Фундаментальные труды, монографии, статьи по аграрной истории России крепостной эпохи, проблемам развития крепостного хозяйства и, соответственно, барщинной эксплуатации крепостного населения выпущены в советский период [7–9].

В связи с разработкой в отечественной историографии с середины XX века проблемы разложения и кризиса феодально-крепостни-

ческой системы хозяйства и генезиса капитализма в России тезис об исчерпанности возможностей развития производства на основе крепостнических отношений выдвигался на первый план. Положение о постоянном увеличении интенсивности барщинной эксплуатации крестьян в крепостную эпоху, неэффективности результатов данного вида труда для развития хозяйства и констатации на этих основаниях кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства становится доминирующим в отечественной историографии. Возрастание интенсивности оброчной и барщинной повинности крестьян в первой половине XIX века в различных регионах страны рассмотрено в исследованиях Е.И. Индовой, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милова, Г.Т. Рябкова, В.А. Федорова и некоторых других авторов, аргументировавших, что сокращение хозяйственного потенциала крестьянских хозяйств в немалой степени обусловлено тяжестью барщины и оброка [8–13]. В постсоветское время лишь изредка появляются работы по данной проблематике.

В настоящее время интерес к аграрным вопросам, различным аспектам социально-экономического положения крестьянского населения крепостной эпохи вновь возрастает в отечественной исторической науке [14–18]. В связи с этим можно отметить две монографии автора данной статьи о крестьянстве изучаемого региона в крепостную эпоху, в которых наряду с другими категориями крестьян рассмотрено социально-экономическое положение частновладельческих крестьян во всей его сложности, противоречивости и многообразии [19; 20, с. 135–151].

Изменившаяся методологическая ситуация позволяет на новом уровне изучать многие вопросы истории крестьянства России, по-новому взглянуть на, казалось бы, безоговорочные постулаты. В ряде исследований подчеркивается недостаточность простой констатации роста барской запашки и увеличения барщины в качестве вывода об их тяжести для крестьянских хозяйств [21–22]. Так, специалист

по аграрной истории XIX века Л.М. Рянский, используя выборку из нескольких помещичьих имений Черноземного региона, высказался об удовлетворительном уровне жизни крепостных крестьян в середине XIX века и выступил за пересмотр традиционных взглядов о положении барщинных крестьян России [23]. Необоснованность такого подхода к проблеме доказывал в дискуссионной статье С.А. Нефедов, показавший нерепрезентативность выборки (всего из 59 помещичьих имений) Л.М. Рянского и невозможность распространения его выводов на значительные территории [21]. Заметным явлением в отечественной историографии стал выход трехтомного труда Б.Н. Миронова, в котором ученый заключал, что в XVIII–XIX веках строгий надзор в помещичьих имениях обеспечивал большую отдачу крестьянского труда и труд крепостных, состоявших на барщине, был производительнее труда оброчных, а также государственных крестьян [24, с. 62–73]. Этот вывод Б.Н. Миронова подверг критике М.Д. Карпачев [25, с. 218–225], а также М.Д. Карпачев и Ю.А. Тихонов в своих выступлениях на круглом столе «Российский старый порядок: опыт исторического синтеза» [26, с. 74, 83–84].

Следовательно, тезис об увеличении барщины и ее тяжести для крестьянских хозяйств, вопросы о производительности этого вида труда вновь становятся дискуссионными и рассмотрение аргументов, используемых при доказательстве тех или иных положений, связанных с данной проблемой, приобретает особый интерес в современной отечественной историографии. В связи с этим специальный анализ института барщины на региональном уровне открывает перспективы для более детального изучения не только эффективности или неэффективности результатов барщинного труда крестьян для развития хозяйства дореформенной России, но и вопроса об исчерпанности или неисчерпанности возможностей развития производства на основе крепостнических отношений.

Материалы и методы. Источниковой базой настоящего исследования являются в пер-

вую очередь материалы из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), а также материалы двух томов 6-томника «Приложения к трудам Редакционных комиссий, для составления Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях» 1860 года, содержащих сведения за XIX век о размерах барской запашки, рабочем времени барщинных крестьян, по которым можно судить об интенсивности барщинной эксплуатации крестьян¹. Методологически исследование базируется на принципах историзма и объективности, в ходе подготовки статьи применялись методы выявления, обработки данных, изучения, анализа, синтеза архивных документов, их сравнение, систематизация, интерпретация и др.

Результаты. Как и в других земледельческих регионах страны, значительное большинство помещичьих крестьян Южного Урала и в начале XIX века, и в середине столетия исполняло барщинную повинность. По сведениям А. Скребичко, использовавшего материалы Редакционных комиссий, 85,2 % помещичьих крестьян края накануне реформы состояли на барщине, а 14,8 % – на оброке [2, с. 1262–1265]. По данным Редакционных комиссий, в конце 1850-х годов половина оброчных крестьян проживала в селениях, расположенных на территории имений помещиков Бирского, Мензелинского и Троицкого уездов. При помещичьих

имениях Оренбургской губернии зафиксированы лишь 1784 ревизские души, числившиеся оброчными крестьянами. При этом 36,2 % из них относились преимущественно к селениям, принадлежавшим крупнопоместным помещикам². Остальные 63,8 % проживали в основном в деревнях, размещенных на территории владений мелкопоместных и среднепоместных дворян, где применялись и барщинная, и оброчная форма эксплуатации крепостных. Фактически оброчную повинность несли проживавшая в барщинных имениях часть так называемых издольных крестьян, некоторые дворовые, наделенные землей³ [23, с. 5–15].

Факторы различного рода (хозяйственные соображения и воля самих помещиков; сложившаяся в регионе их прежнего местожительства традиция в эксплуатации крестьян и привнесенная на вновь приобретенные ими имения; экономические возможности крестьянских хозяйств и т. д.) способствовали преобладанию барщинной повинности крестьян в помещичьих хозяйствах края. Но главной причиной были специфические особенности Оренбургской губернии как преимущественно сельскохозяйственного региона. Здесь в начале XIX века, в условиях относительного обилия угодий и наличия в некоторых помещичьих имениях чрезмерного количества земли, необходимой для предоставления в надел крестьянам, барщинный труд все еще был продуктивным, в то время как многие помещичьи хозяйства Южного Урала находились на стадии формирования и адаптации к местным условиям, а крестьяне в силу отмеченных причин во многих имениях пахали для себя больше,

¹Приложения к трудам Редакционных комиссий, для составления Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях: в 6 т. Т. 2. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям: [губернии: Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Орловская, Пензенская]. СПб.: Комис. для сост. положений о крестьянах, 1860. 364 с.; Т. 3. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям: [губернии: Псковская, Рязанская, Самарская, Саратовская, С.-Петербургская, Симбирская, Тамбовская]. СПб.: Комис. для сост. положений о крестьянах, 1860. 334 с.

²Приложения к трудам Редакционных комиссий... Т. 2. С. 7, 9, 17.

³Там же. С. 3–17.

чем на господской пашне. С расширением господского хозяйства и ростом спроса на хлеб, в отсутствие свободного рынка труда барщина с ее дешевым, почти даровым для помещиков трудом оставалась, как и прежде, более прибыльной, чем оброк [19, с. 106–107]. Исследователи на примерах центральных промышленных регионов и северо-западной части России выявили, что широкое применение оброчной формы повинности возможно при наличии достаточно развитой торгово-промышленной деятельности крестьян и рынка труда [8, с. 61–62; 9; 19]. На Южном Урале эти процессы в характеризующий период времени довольно интенсивно развивались [20, с. 145–147], но не в столь значительных масштабах, как в упомянутых регионах. Оброчная форма повинности крестьян не всегда была выгодна помещикам и не всегда вела к улучшению экономического положения самих крестьян, если иметь в виду, в частности, отсутствие или недостаточное развитие перечисленных условий. Следует также отметить, что при росте товарного производства в течение первой половины XIX века экономическое значение преобладающей формы повинности крестьян региона – барщины – видоизменилось: она трансформировалась из источника удовлетворения потребностей только вотчины в инструмент извлечения помещиками денежного дохода от результатов натурального труда своих крепостных.

При рассмотрении поднятой нами проблемы крайне важен анализ динамики барщинных работ. Так как прямых данных нет, исследователи вынуждены использовать косвенные показатели и приблизительные расчеты. Применительно к центральным губерниям России аналогичные расчеты пашенной барщины (в десятинах на одну душу мужского пола) в свое время были сделаны И.Д. Ковальченко. В результате такой обработки данных он выявил, что степень барщинной эксплуатации по-

мещичьих крестьян в этих губерниях возросла в течение первой половины XIX века примерно на 65 % [8, с. 277, 279]. Метод расчетов И.Д. Ковальченко общепризнан в нашей исторической науке – применим его и мы.

Описание барщинных повинностей крестьян региона в 1800 году оставил губернский предводитель дворянства Н.М. Булгаков: «...вообще все помещики, живущие в Оренбургской губернии, имеют своих крестьян на пашне, кои обрабатывают земли каждое тягло, то есть муж с женою от 18 до 50 лет, для господина указанные две десятины ржаного и две десятины всякого ярового хлеба, работая как во время пашни, так и во время сенокосения, жнитва и возки с полей хлеба 3 дня, узаконенные в неделю, а для себя прочие дни в неделе, имея засеять по 3 десятины. Многие же помещики, разделяя крестьян своих на две равные половины, производят свою господскую работу все 6 дней без перерывно, переменяя работников через 3 дня одну половину другою»⁴. То есть в большинстве поместий каждое тягло крестьян обрабатывало 4 десятины господской пашни, что соответствует 3 дням работы в неделю. Такое положение подтверждается и материалами «Экономических примечаний», из которых видно, что часто крестьяне в барских имениях региона обрабатывали только 1/3 пахотной земли для землевладельца, а остальную часть вспахивали для себя. В некоторых имениях, где помещики своим крестьянам предоставляли в пользование большое количество земли, а следовательно, размеры крестьянских наделов характеризовались большой неопределенностью, пашенная барщина была еще меньше⁵. К примеру, в Бузулукском уезде крестьяне д. Мотовиловки (помещицы А.И. Новосильцевой) обрабатывали лишь 25 десятин барской пашни, что составляло 0,2 десятины на одну душу мужского пола; 139 крепостных С.Ф. Осоргина в с. Михайловском Бугурус-

⁴РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90. Л. 172 об.

⁵РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 928, 929, 930, 932, Д. 6/1876.

ланского уезда – 30 десятин, т. е. тоже 0,2 десятины на одну душу мужского пола, и т. д.⁶ Подсчеты с использованием данных «Экономических примечаний» показывают: схожая ситуация была далеко не редкостью в этом колонизируемом крае, где правительство жаловало помещикам огромные по размерам угодья. Встречались примеры и обратного порядка, когда крестьяне обрабатывали 300–334 десятины господской пашни (в среднем приходилось по 9,3–12,3 десятины на одну душу мужского пола)⁷. В целом же, как показывает анализ источников, средняя норма барщины на одну душу в помещичьих поместьях региона в то время была еще относительно невысокой.

Степень барщинной эксплуатации крестьян в дореформенные десятилетия возросла, однако ненамного. Например, одна душа мужского пола барщинных крестьян в селениях Ивановка, Ключи, Козловка, Покровское, Троицкое (имения Тимашевых в Оренбургском уезде) в начале XIX века в среднем обрабатывала 1,8 десятины пашни барина, а в середине XIX века – 2,1 десятины⁸. В некоторых имениях до реформы, конечно, существовала и 4–5-тидневная барщина, но эта норма крепостного труда не была широко распространена. Такая эксплуатация, грозившая разорением крестьянскому хозяйству и, в конечном итоге, самому помещику, не могла существовать долго.

Барщинные обязанности крепостных не ограничивались только полевыми работами – они охватывали и иные виды натуральных повинностей: рубка дров для поташных заводов своих владельцев, охрана господского поля и гумна, подводная повинность, ремонт дорог, мостов и гатей, поправка различных хозяйственных построек помещика – амбара, карет-

ника, птичьего и житного двора, риг и т. д.⁹ [2, с. 652]. Зимой барщинная работа крестьян (также 3 дня в неделю) состояла из обмолота хлеба, перевозки сена и дров, доставки своим гужевым транспортом помещичьего хлеба на рынок на продажу и т. д.¹⁰

Чтобы охарактеризовать барщину и ее денежное выражение, возьмем конкретные данные. В селениях Александровка, Городки, Екатериновка, Ивановка, Ключи, Козловка, Николаевка, Никольское, Покровское, Тамгачи и Троицкое имения помещиков Тимашевых в Оренбургском уезде проживало 819 тягол крепостных крестьян. Во всех этих поселениях барщина на тягло составляла 3 дня в неделю, что соответствует 12 дням на тягло в месяц и 120 дням в год. По статистическим сведениям того времени, в названной местности примерная цена одного мужского рабочего дня составляла 15 коп. серебром, женского – 7 коп., конного работника – 4 коп. Итак, на все перечисленные деревни падало: 1) в неделю – 2457 мужских и женских дней, 4914 дней труда конного работника; 2) в месяц – 9828 мужских и женских дней, 19 656 дней труда конного работника; 3) в год – 98 280 мужских и женских дней, 196 360 дней труда конного работника. Стоимость перечисленных рабочих дней, таким образом, составляла 28 665 р. серебром в год (35 р. серебром на тягло соответственно). Здесь обратим внимание на тот факт, что в этих же селениях проживали еще не охваченные барщиной 133 тягла оброчных крестьян владельца, денежный оброк которых равнялся той же сумме – 35 р. серебром с тягла¹¹. Небезынтересно отметить, что в дореформенный период и в других помещичьих имениях того же уезда средний размер оброка крепостных составлял 35 р. 72 коп.

⁶РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 932. Л. 193; Д. 6/1876. Л. 36–37.

⁷Там же. Д. 938. Л. 203–204; Д. 932. Л. 246.

⁸Там же. Д. 938. Л. 131–135; РГИА. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 246. Л. 1.

⁹РГИА. Ф. 1286. Оп. 19. Д. 548. Л. 68; РГВИА. Ф. 414. Д. 378. Л. 3; ОПИ ГИМ. Ф. 1. Д. 55. Л. 26.

¹⁰Там же. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90. Л. 172 об.

¹¹Там же. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 246. Л. 1–2.

серебром с тягла [2, с. 1262–1265]. Накануне крестьянской реформы 1861 года, по материалам Редакционных комиссий, по региону в целом средняя норма барщины на тягло обычно равнялась 3 дням в неделю (140 мужским и женским рабочим дням в год) [2, с. 1296].

Заключение. Таким образом, на протяжении всей первой половины XIX века подавляющая часть помещичьих крестьян Южного Урала исполняла в пользу своих владельцев барщинную повинность. Состояние экономики, характер развития помещичьего и крестьянского хозяйств этого времени способствовали живучести и преобладанию барщины над оброком, хотя они зачастую совмещались. Динамика интенсивности барщины показала,

что этот вид повинности был не столь обременительным для крестьян: по сравнению с помещичьими имениями других регионов России душевая норма барщины здесь была относительно невысокой в силу специфических особенностей преимущественно земледельческого региона. Анализ стоимости барщинных работ крестьян позволил определить, что барщина устанавливалась владельцами непроизвольно. Она, оставаясь преобладающим источником извлечения владельцами поместий денежного дохода от результатов натурального труда своих крепостных, в денежном выражении соответствовала размеру оброка, выплачиваемого оброчными крестьянами данной местности.

Список литературы

1. *Заблоцкий-Десятовский А.П.* О крепостном состоянии в России // *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время: материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II: в 4 т. Т. IV. Приложения к I, II и III томам. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. С. 271–345.
2. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян: губернские комитеты, их депутаты и редакционные комиссии в крестьянском деле: в 4 т. Т. 3. Отдел хозяйственный / по офиц. источникам сост. А. Скребицкий. Бонн-на-Рейне: Тип. Ф. Крюгера, 1865. 1298 с.
3. *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: в 2 т. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1888. Т. 1. Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века. 580 с.; Т. 2. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. 625 с.
4. *Игнатович И.И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. 3-е изд., доп. Л.: Мысль, 1925. 405 с.
5. *Струве П.Б.* Крепостное хозяйство. Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX вв. СПб.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913. 340 с.
6. *Межов В.И.* Крестьянский вопрос в России: Полное собрание материалов для истории крестьянского вопроса: на языках русском и иностранных, напечатанных в России и за границей: 1764–1864. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1865. 421 с.
7. История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г.: в 5 т. Т. 3. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. – 1861 г.) / ред. А.А. Преображенский. М.: Наука, 1993. 664 с.
8. *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 400 с.
9. *Федоров В.А.* Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 305 с.
10. *Индова Е.И.* Крепостное хозяйство в начале XIX века: По материалам вотчинного архива Воронцовых / Акад. наук СССР, Ин-т истории. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 200 с.
11. *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII – первой половине XIX века // История СССР. 1966. № 4. С. 55–80.

12. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.
13. Рябков Г.Т. Смоленские помещицы крестьяне в конце XVII – первой половине XIX века. М.: Прометей, 1991. 264 с.
14. Ярем барщины старинной... Крепостничество Нижегородского Поволжья в документах, исследованиях, мемуарах, художественной литературе и фольклоре: сб. / авт. проекта Ю.А. Курдин; сост., авт. вступ. ст., примеч. Ю.А. Курдин, О.Е. Андреев, А.А. Исаков; науч. ред. Е.П. Титков. Арзамас: АГПИ, 2011. 614 с.
15. Перевезенцев С.В. О вреде и пользе (рецензия на сборник «Ярем барщины старинной») // Арзамас. сто- рона: альм. 2012. Вып. 6. С. 483–486.
16. Рьянова В.Е. Крепостничество Нижегородского Поволжья в сборнике «Ярем барщины старинной...» // Молодой ученый. 2016. № 11.2(115.2). С. 30–33.
17. Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сб. ст. / отв. ред. и сост. В.В. Кондрашин, А.И. Шевельков. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2020. 346 с.
18. Казюхина А., Редькин Д. Применение труда крепостных в сельском хозяйстве Российской Империи в XIX веке // Agrar. Hist. 2020. № 4. С. 24–36.
19. Шайхисламов Р.Б. Крестьянство Южного Урала в первой половине XIX века. Уфа: РИО БашГУ, 2006. 192 с.
20. Шайхисламов Р.Б. Южноуральское крестьянство: XVII – середина XIX в.: моногр. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. 245 с.
21. Нефедов С.А. К дискуссии об уровне жизни крепостных крестьян в середине XIX в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 3(104). С. 284–291.
22. Сапожников О.Я. Эволюция крепостного хозяйства в России XVIII–XIX вв.: в чем был прав и в чем ошибался П.Б. Струве? // Струве П. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. [1913] / под ред. М.А. Колерова, вступ. ст. О.Я. Сапожникова. М., 2020. С. 7–70. (Исследования по истории русской мысли; Т. 27).
23. Рянский Л.М. Помещицы крестьяне Черноземного центра в конце XVIII – первой половине XIX века. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2010. 151 с.
24. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2. 912 с.
25. Карначёв М.Д. Умом Россию понимая // Новый мир. 2000. № 6. С. 218–225.
26. Круглый стол «Российский старый порядок: опыт исторического синтеза»: материал подгот. С.С. Секи- ринский // Отеч. история. 2000. № 6. С. 43–94.

References

1. Zablotskiy-Desyatovskiy A.P. O krepostnom sostoyanii v Rossii [On Serfdom in Russia]. Zablotskiy-Desyatovskiy A.P. Graf P.D. Kiselev i ego vremena: materialy dlya istorii imperatorov Aleksandra I, Nikolaya I i Aleksandra II. T. IV. Prilozheniya k I, II i III tomam [Count P.D. Kiselyov and His Time: Materials for the History of Emperors Alexander I, Nicholas I and Alexander II. Vol. 4. Appendices to Volumes 1, 2 and 3]. St. Petersburg, 1882, pp. 271–345.
2. Skrebitskiy A. (comp.). Krest'yanskoe delo v tsarstvovanie imperatora Aleksandra II. Materialy dlya istorii osvobozhdeniya krest'yan: gubernskie komitety, ikh deputaty i redaktsionnyya komissii v krest'yanskom dele. T. 3. Otdel khozyaystvennyy [Peasant Affairs During the Reign of Emperor Alexander II. Materials for the History of the Emancipation of Peasants: Provincial Committees, Their Deputies and the Drafting Commissions on Peasant Affairs. Vol. 3. Economic Department]. Bonn, 1865. 1298 p.
3. Semevskiy V.I. *The Peasant Question in Russia in the 18th and First Half of the 19th Century*. St. Petersburg, 1888. Vol. 1. The Peasant Question in the 18th and First Quarter of the 19th Century. 580 p.; Vol. 2. The Peasant Question During the Reign of Emperor Nicholas. 625 p. (in Russ.).

4. Ignatovich I.I. *Pomeshchich'i krest'yane nakanune osvobozhdeniya* [Landlord Peasants on the Eve of the Emancipation]. Leningrad, 1925. 405 p.

5. Struve P.B. *Krepostnoe khozyaystvo. Issledovanie po ekonomicheskoy istorii Rossii v XVIII i XIX vv.* [Serfdom. Research on the Economic History of Russia in the 18th and 19th Centuries]. St. Petersburg, 1913. 340 p.

6. Mezhev V.I. *Krest'yanskiy vopros v Rossii: Polnoe sobranie materialov dlya istorii krest'yanskogo voprosa: na yazykakh russkom i inostrannykh, napechatannykh v Rossii i za granitseyu: 1764–1864* [The Peasant Question in Russia: A Complete Collection of Materials for the History of the Peasant Question: In Russian and Foreign Languages, Published in Russia and Abroad: 1764–1864]. St. Petersburg, 1865. 421 p.

7. Preobrazhenskiy A.A. (ed.). *Istoriya krest'yanstva Rossii s drevneyshikh vremen do 1917 g. T. 3. Krest'yanstvo perioda pozdnego feodalizma (seredina XVII v. – 1861 g.)* [History of the Peasantry of Russia from the Earliest Times to 1917. Vol. 3. The Peasantry in the Period of Late Feudalism (Mid-17th Century – 1861)]. Moscow, 1993. 664 p.

8. Koval'chenko I.D. *Russkoe krepostnoe krest'yanstvo v pervoy polovine XIX v.* [Russian Serf Peasants in the First Half of the 19th Century]. Moscow, 1967. 400 p.

9. Fedorov V.A. *Pomeshchich'i krest'yane Tsentral'no-promyshlennogo rayona Rossii kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [Landlord Peasants of the Central Industrial Region of Russia in the Late 18th – First Half of the 19th Centuries]. Moscow, 1974. 305 p.

10. Indova E.I. *Krepostnoe khozyaystvo v nachale XIX veka: Po materialam votchinogo arkhiva Vorontsovykh* [Serfdom in the Early 19th Century: Based on Materials from the Vorontsov Patrimonial Archives]. Moscow, 1955. 200 p.

11. Koval'chenko I.D., Milov L.V. Ob intensivnosti obrochnoy ekspluatatsii krest'yan Tsentral'noy Rossii v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka [On the Intensity of Quitrent Exploitation of Peasants in Central Russia in the Late 18th – First Half of the 19th Centuries]. *Istoriya SSSR*, 1966, no. 4, pp. 55–80.

12. Milov L.V. *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Plowman of Great Russia and the Specific Features of the Russian Historical Process]. Moscow, 1998. 573 p.

13. Ryabkov G.T. *Smolenskie pomeshchich'i krest'yane v kontse XVII – pervoy polovine XIX veka* [Smolensk Landlord Peasants in the Late 17th – First Half of the 19th Centuries]. Moscow, 1991. 264 p.

14. Kurdin Yu.A., Andreev O.E., Isakov A.A. (comps.). *Yarem barshchiny starinnoy... Krepostnichestvo Nizhegorodskogo Povolzh'ya v dokumentakh, issledovaniyakh, memuarakh, khudozhestvennoy literature i fol'klore* [The Burden of Serf Labour... Serfdom of the Nizhny Novgorod Volga Region in Documents, Studies, Memoirs, Fiction and Folklore]. Arzamas, 2011. 614 p.

15. Perevezentsev S.V. O vrede i pol'ze (retsenziya na sbornik “Yarem barshchiny starinnoy”) [On Harm and Benefit (Review of the Collection *The Burden of Serf Labour*)]. *Arzamasskaya storona: al'manakh*, 2012, no. 6, pp. 483–486.

16. R'yanova V.E. Krepostnichestvo Nizhegorodskogo Povolzh'ya v sbornike “Yarem barshchiny starinnoy...” [Serfdom of the Nizhny Novgorod Volga Region in the Collection *The Burden of Serf Labour...*]. *Molodoy uchenyy*, 2016, no. 11.2, pp. 30–33.

17. Kondrashin V.V., Shevel'kov A.I. (eds.). *Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XIX–nachale XXI veka* [The State and the Peasantry in the 19th – Early 21st Centuries]. Moscow, 2020. 346 p.

18. Kazyukhina A., Red'kin D. Primenenie truda krepostnykh v sel'skom khozyaystve Rossiyskoy Imperii v XIX veke [The Use of Serf Labor in Agriculture of the Russian Empire in the XIX-th Century]. *Agrar. Hist.*, 2020, no. 4, pp. 24–36.

19. Shaykhislamov R.B. *Krest'yanstvo Yuzhnogo Urala v pervoy polovine XIX veka* [Peasants of the Southern Urals in the First Half of the 19th Century]. Ufa, 2006. 192 p.

20. Shaykhislamov R.B. *Yuzhnoural'skoe krest'yanstvo: XVII – seredina XIX v.* [Peasants of the Southern Urals: 17th – Mid-19th Centuries]. Ufa, 2018. 245 p.

21. Nefedov S.A. K diskussii ob urovne zhizni krepostnykh krest'yan v seredine XIX v. [The Discussion About the Level of Life of Serfs in the Middle of the XIX Century]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 2012, no. 3, pp. 284–291.

22. Sapozhnikov O.Ya. Evolyutsiya krepostnogo khozyaystva v Rossii XVIII–XIX vv.: v chem byl prav i v chem oshibalsya P.B. Struve? [The Evolution of Serfdom in Russia in the 18th – 19th Centuries: What Was P.B. Struve Right

and Wrong About?]. Struve P. *Krepostnoe khozyaystvo. Issledovaniya po ekonomicheskoy istorii Rossii v XVIII i XIX vv.* [Serfdom. Studies on the Economic History of Russia in the 18th and 19th Centuries]. Moscow, 2020, pp. 7–70.

23. Ryanskiy L.M. *Pomeshchich'i krest'yane Chernozemnogo tsentra v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka* [Landlord Peasants of the Central Black Earth Region in the Late 18th – First Half of the 19th Centuries]. Kursk, 2010. 151 p.

24. Mironov B.N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernization]. St. Petersburg, 2015. Vol. 2. 912 p.

25. Karpachev M.D. Umom Rossiyu ponimaya [Conceiving Russia with the Intellect]. *Novyy mir*, 2000, no. 6, pp. 218–225.

26. Kruglyy stol “Rossiyskiy staryy poryadok: opyt istoricheskogo sinteza”: material podgotovil S.S. Sekirinskiy [The Russian Old Order: The Experience of a Historic Synthesis. The “Round Table”. The Material Prepared by S.S. Sekirinsky]. *Otechestvennaya istoriya*, 2000, no. 6, pp. 43–94.

Информация об авторе

Р.Б. Шайхисламов – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения Уфимского университета науки и технологий (адрес: 450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32).

Information about the author

Rashit B. Shaikhislamov, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Russian History, Historiography and Source Study, Ufa University of Science and Technology (address: ul. Zaki Validi 32, Ufa, 450074, Russia).

Поступила в редакцию 22.07.2024

Одобрена после рецензирования 12.11.2024

Принята к публикации 14.11.2024

Submitted 22 July 2024

Approved after reviewing 12 November 2024

Accepted for publication 14 November 2024